

Анастасия Барм

ПЕКАРНЯ
полная
ЧУДЕС

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б25

Иллюстрация на переплете *Ксения Семенчук*

Барм, Анастасия.
Б25 Пекарня полная чудес / Анастасия Барм. — Москва :
Эксмо, 2025. — 320 с. : ил.

ISBN 978-5-04-216086-8

Запретный Дар Слова может подчинять своей воле королей, менять судьбы государств и вершить историю. Но кто заподозрит, что им владеет хозяйка маленькой пекарни Амара, чья вкусная выпечка и наглый рыжий кот знамениты на весь город? Однажды на пороге Амары появляется Королевский дознаватель, чтобы предложить ей выбор: продолжать скрывать свой дар или использовать его во благо, несмотря на опасность.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-216086-8

© Барм А., текст, 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

Глава 1

Меня разбудил громкий звук, бесцеремонно и нагло ворвавшись в мое утро. Открывать глаза не хотелось, и я поглубже зарылась в одеяло. Но звук раздался снова. И снова. А потом грохнуло так, что я вскочила с кровати одним резким прыжком.

— Ах ты ж демоново создание! — воскликнула яростно, распугивая разноцветных птах, пригревшихся на подоконнике в лучах утреннего солнца, и сбежала вниз по лестнице.

Семь ступеней преодолела быстро в надежде застать злоумышленника врасплох. А злоумышленник и не спешил скрыться. Сидел спокойно на верхней полке кухонного гарнитура, до этого заполненной разной утварью, а сейчас совершенно пустой, и лениво жмурился. На меня взглянул лишь мельком, неспешно встал и, вильнув пушистым рыжим хвостом, спрыгнул на пол. От такой наглости я лишь приоткрыла рот, уперев руки в бока. А кот все так же вальяжно удалился восвояси.

— Вот ведь чудовище подзаборное, — пробормотала я, оглядывая беспорядок.

На моей некогда уютной кухне царил полный хаос. Кастрюли валялись на полу, миски и плошки откатились в разные углы комнаты, ручка венчика сиротливо выгляды-

вала из-под тумбы. Благо мука и специи остались нетронуты. Что ж, не в первый раз. Вздохнула поглубже, чтобы успокоиться. Вот почему у всех магические компаньоны как компаньоны, а у меня — это?! И ведь не избавиться от него никак! Компаньон находит мага сам и остается с ним навсегда. Задумчиво постучала пальцами по столешнице, еще раз вздохнула и принялась за уборку. Собрала плоски, сложила крышки, аккуратно достала венчик из-под тумбы. Он достался мне от отца и был особенно дорог. Прижала его к груди, воспоминания нахлынули резко, выбивая почву из-под ног, заставляя меня опуститься на табуретку. Отец был пекарем. Лучшим пекарем Северного побережья! Мы с родителями жили в небольшой деревушке вблизи города Сайтор. Северное побережье сурово, с моря круглый год дуют ледяные ветра, люди в нашей деревне были хмурые и всегда занятые. Но только не моя мама. Мама была южанка. Смуглая и улыбчивая, с непокорными темными кудрями, она словно согревала наш дом своим смехом по утрам, своими танцами, когда они с отцом что-то варили на нашей крохотной кухне. Отец был крупный, как и все северяне, мама на его фоне казалась маленькой диковинной птичкой. Чужой в этих краях. Но я никогда не забуду, как теплел взгляд отца, когда он смотрел на маму, как смягчалось его суровое лицо, как он говорил ей: «Ласточка моя», — а она прижималась к его плечу, стараясь обхватить руками его мощную спину...

Я замотала головой из стороны в сторону, чтобы согнать проступившую на глаза влагу. Некогда мне предаваться воспоминаниям! Совсем скоро начнут приходить покупатели, а у меня тут беспорядок, да и хлеб еще не

готов. Кивнула сама себе ободряюще, вставая с табуретки, задвигая подальше внутрь щемящее чувство тоски, пряча его в укромные уголки своей души, и принялась за дело. Наскоро умылась, стянула непослушные волосы лентой, чтобы не мешали, замерла у зеркала. Во мне не было ничего от сурового Севера. Те же шоколадные кудри, что у мамы, теплые медовые глаза, пухлые губы. Только кожа не такая смуглая и ростом я чуть выше. Подмигнула отражению, улыбнулась и вернулась на кухню. Надела фартук, достала из ящика муку и специй. Замесила в миске тесто, как учил меня отец. Отец не был магом, он все делал руками, всегда говорил:

— Тесто нужно приласкать, обнять, его нужно согреть теплом своих рук, пожелать ему добра. Как иначе сделать вкусный хлеб? Если не потрудишься, не вложишь в тесто часть своей души, как тогда хлеб принесет радость людям?

И я трудилась. Таскала отцу коробки с мукой, меняла скалки, доски, ставила формы с готовым тестом в печь. Свой первый пирог я испекла в пять лет. Встала пораньше, пока родители спали, пока небо было еще темным, а над морем в преддверии утра тускнели звезды — на Севере ночи долгие. Пробралась в погреб, достала нужные ингредиенты, взяла миску и начала творить. Помню, как спешила, как дрожали мои маленькие ручки, когда я смешивала продукты, как роняла яйца и все смотрела в окно — не занимается ли рассвет? Отец вставал рано, к первому покупателю хлеб должен был быть готов. И вот, когда над морем небо начало светлеть, окончательно прогоняя ночную тьму, я стояла посреди кухни перед отцом, преисполненная гордости, и держала в руках свой первый пирог. Отец хмурился, но я видела в его глазах теплые сме-

шинки, когда он пробовал мое творение. Он даже почти не морщился, хоть я и слышала хруст яичной скорлупы у него на зубах. С тех пор я всегда помогала ему на кухне. От мамы мне досталась крупица бытовой магии, но отец не разрешал пользоваться ею, когда мы пекли хлеб.

Вот и сейчас я месила тесто без магии, руками, напевая легкую песню. В открытые окна проникал южный ветер, принося с собой запахи теплого моря и тонкие ароматы цветов. Моя пекарня находилась на узкой улочке ремесленного квартала, мощенной белым морским камнем, и соседствовала с цветочной лавкой и небольшим кафе, где подавали ароматный чай из трав. Его хозяйка, Мадам Фелл, потеряла мужа несколько лет назад, но это не погасило в ней жажды жизни. У нее был легкий веселый нрав, она часто пела, когда протирала резные столики на улице возле кафе, и всегда тепло встречала посетителей. Я закончила месить тесто, накрыла его полотенцем, чтобы дать отдохнуть, и вышла на улицу. Лучи утреннего солнца прошлись по моему лицу нежной лаской, спускаясь на шею, ключицы, обнимая плечи. Я зажмурилась от удовольствия.

— Ами, доброе утро, — раздался мелодичный голос мадам Фелл. — Что за оркестр у тебя сегодня в лавке? — продолжила она, прекращая поливать роскошные цветущие кусты в горшках у входа в кафе и разворачиваясь ко мне всем телом.

От воспоминаний о недавнем погроме мне свело скулы.

— Кот, — передернула я плечами, закатывая глаза, — вы же знаете, какой он... ммм... душка.

Мадам Фелл уперла руки в бока, но на лице засияла улыбка.

— А я этого негодяя подкармливаю! — Она старалась придать голосу возмущенный тон, чтобы поддержать мое негодование, но вышло шутливо.

— Скоро занесу вам булочки, — улыбнулась я в ответ.

Когда я приехала в этот город, мадам Фелл была первой, кто встретил меня с радушием. После того, как болезнь унесла жизни моих родителей, я не могла больше оставаться в родной деревне. Дом казался мне пустым и холодным, моя душа замерзала в нем. Все в нашем доме напоминало о тех днях, когда мы были вместе. Когда отец одобрительно кивал, глядя на мои свежееиспеченные булочки, когда мама улыбалась мне по утрам, когда мы пили чай у камина перед сном, согревая друг друга историями. Все оборвалось резко, перестало существовать, словно этого и не было никогда, словно я все это выдумала. В душе разрасталась темная дыра, заполняя меня горечью. Мне дико хотелось согреться, избавиться от острого чувства одиночества, что поселилось в каждом сантиметре нашего дома. Поэтому я собрала немного вещей, взяла сбережения, книгу рецептов, дорогой сердцу венчик отца и отправилась в Южные Земли, на родину своей матери, в город Эфос.

Юг поразил меня с первых минут. Буйство зелени, красок, звуков, запахов. Когда я сошла с корабля, в лицо ударил теплый ветер, срывая ленту с кудрей, бросая их по плечам, словно требуя для них свободы. Уже в порту пахло пряностями и специями, что удивляло, ведь я привыкла, что порт пахнет рыбой и морозом. Ароматы вскры-

жили голову, от ярких одежд горожан зарябило в глазах, я замерла на месте, прижимая к груди свой небольшой саквояж, пытаюсь успокоить сердце, которое зашло в каком-то бешеном ритме. Не знаю, сколько я так простояла, впитывая в себя все эти краски и звуки, боясь пошевелиться, чтобы не спугнуть этот чудесный мир вокруг, пока кто-то из прохожих не налетел на меня, толкая плечом, выбивая из оцепенения. На смену этому мгновению восторга пришел страх — что я буду здесь делать? Куда мне идти, где ночевать, я же чужая здесь, этот город мне совсем не знаком. Чем я думала, когда оставляла родной Север? Покрепче сжала саквояж в руках и тряхнула головой.

«Не этому учил тебя отец, Амара, соберись. Можно бояться, но делать. Нельзя отступать».

Сделала несколько глубоких вдохов, успокаивая нервы, прогоняя страх из сердца, и пошла по дороге, ведущей прочь из порта. Я не знала, куда она меня приведет, но окружающие пейзажи постепенно вытеснили все беспокойства из души окончательно, заменив их любопытством. Здесь все было другое. Небольшие, из теплого желтого камня, дома с голубыми деревянными ставнями и яркими крышами тянулись вдоль дороги. Окна каждого дома были распахнуты, украшены кадками с цветами, источающими тонкие сладкие ароматы. Всюду слышался смех, люди улыбались друг другу, обнимаясь при встрече, мужчины рассыпались в комплиментах, глядя на красивых южанок в легких платьях с открытыми плечами. Я знала местный язык, ему научила меня мама, когда я еще была маленькой. Она часто рассказывала мне истории и сказки о юге, с нежностью вспоминая свою родину. И теперь я понимаю почему! Пройдя пару кварталов, я поняла, что мне тесно и

жарко в моем родном пальто. Остановилась, чтобы снять его и осталась только в старом мамином платье, которое она хранила в сундуке, голубом, с длинной легкой юбкой и спущенными плечами. Я никогда не была на улице так легко одета, это чувство было новым, тревожным и радостным одновременно. На мои обнаженные плечи тут же осела влага, витающая в воздухе от близости моря, но это было даже приятно. Незаметно для себя я улыбнулась. От этой легкости в теле, от пьянящих ароматов, от того, что внутрь меня пробралось какое-то светлое и теплое чувство. Будто я нашла свое место, будто это и есть мой дом.

Я гуляла долго, несколько часов, пока не свернула в ремесленный квартал. Тут дома были двухэтажные, жались друг к другу плотно, все с теми же резными голубыми ставнями и цветами в горшках. На первых этажах были лавки — мясные, сырные, цветочные, посудные, с шарфами, со специями, кое-где были небольшие кафе, оттуда доносились музыка и ароматы блюд. Я поняла, что давно ничего не ела и надо бы остановиться. Тем более солнце перешагнуло в западную часть небосклона, а значит, уже давно вечер. На Юге дни намного длиннее, чем на Севере, но стоит поискать ночлег до темноты. Так я и зашла в чайную мадам Фелл. Невысокая пышнотелая женщина с открытым добрым лицом понравилась мне сразу. Ее волосы, уже тронутые сединой, были забраны в небрежную прическу, на ней было закрытое платье изумрудного цвета с рукавами-фонариками, она явно была не молода, но все же красива. И у нее было звучное имя Гертруда. В тот вечер за чашкой ароматного чая мы проболтали несколько часов. Она умело вела диалог, вытягивая из меня все

подробности моей жизни. Но почему-то рассказывать их ей было приятно, она тепло улыбалась или сочувственно качала головой, накрывая мои пальцы своими ладонями. И она как-то сразу начала звать меня Ами, так звали меня только родители, сокращая мое полное имя. В этот же вечер Гертруда Фелл дала мне ключи от соседнего дома, в котором раньше была пекарня, пустующая уже несколько лет. Так я узнала, что Гертруда вдова.

— Ами, подари этому дому жизнь, — сказала мне мадам Фелл, отдавая ключи, — мой муж любил свое дело, он пек чудесные булочки, — тут она вздохнула, опуская глаза, пряча за темными ресницами печаль, — мне не нужна плата за жилье, но я буду рада свежей выпечке для моего кафе.

Пекарня оказалась на удивление уютной. На первом этаже расположились кухня из светлого камня с большой печью, кладовая для хранения продуктов, удобные полки и ящики, вся необходимая для пекарского дела утварь. Ближе к входной двери — стеклянная витрина и прилавок, вкусно пахнущий добротным деревом. На втором этаже небольшая спальня, которая вмещала в себя кровать, старинный резной комод на изогнутых ножках, слегка потертое кресло, в котором теснились разноцветные подушки с кисточками, низкий столик для чаепития и отдельный вход в ванную комнату. В доме было много света и много цветов. Я быстро обжила свой новый уголок, наполнив его необходимыми мелочами, личными вещами и своим присутствием. Сидеть без дела я не при-

выкла, поэтому уже через пару дней помыла кухню, почистила печь, закупила продукты, рассчитала, какую цену нужно установить на свои товары, и испекла первую партию хлеба и булочек. Повесила над дверью зачарованный колокольчик, сложила буханки, батоны и кексы в плетеные корзины и выставила их на уличную витрину. Запах свежей выпечки сразу привлек прохожих, и дело пошло. Горожане меня приняли быстро, со многими я успела познакомиться, время закружилось, и незаметно пролетело три года. В прошлом году я скопила достаточно средств, выкупила здание у Гертруды и повесила у входа вывеску — «Булочки на улочке».

Каждое утро я вставала пораньше, замешивала тесто, выпекала первую партию булочек и относила их в кафе мадам Фелл. Затем бралась за пшеничные лепешки с семенами тимьяна и розмарина, батоны, печенье, кексы и пироги. Тут я отпускала магию, и поварешки сами мешали начинку в плошках, из кладовки прилетали необходимые продукты, венчики кружили в мисках, ножи резали, терки терли, а печь пытела. И сегодняшнее утро — не исключение. Не считая дерзкого разгрома на кухне от моего рыжего компаньона.

Я достала первую партию булочек из печки, когда мой зачарованный дверной колокольчик звякнул жалобно и с надеждой. Слишком рано для посетителей. Вытерла руки о полотенце, скинула фартук и вышла из кухни. На пороге стояла пожилая женщина, седые волосы были убраны под черную шляпку, глухое черное платье застегнуто под самый ворот, морщинистые руки сжимали трость. Она неуверенно оглядывала пустой прилавок.

— Простите, хлеб еще не готов, — сказала я, улыбаясь, — я открываю лавку чуть позже.

Женщина вздрогнула от моего голоса, втянула голову в плечи, словно ее застали на месте преступления, ее тонкие бледные губы дернулись, но она промолчала.

— Вы можете подождать за столиком, — я постаралась добавить в голос как можно больше мягких нот.

Женщина спешно кивнула и отошла к столику для посетителей. Дверной колокольчик звонил с надеждой, а значит, ей нужна моя помощь. Колокольчик никогда не ошибался, я всегда знала, с чем пожаловал ко мне тот или иной человек. Я вернулась на кухню и юркнула в кладовую. На одной из полок нашла основу для печенья, быстро замесила со специями и закрыла глаза. На самом деле, кроме бытовой магии, был у меня еще один Дар. Дар, о котором нельзя было говорить вслух, запретный в нашем королевстве. Я обладала силой Слова. Могла зачаровать то, что я делаю своими руками, вложить в предмет одной мне известный смысл, любые желания, темные и светлые, добрые и жестокие, могла исцелить Словом и могла разрушить. А когда чувства внутри меня были слишком яркими, я могла вложить заклятие в само Слово. Было время, когда маги Слова жили свободно, пользовались силой, не скрывались от дознавателей. Но однажды одному из них пришла в голову мысль, что у него хватит сил свергнуть Короля и захватить власть, ведь у него есть Слово. Все это случилось задолго до моего рождения, заговор пресекли, но теперь маги, в которых просыпалась эта сила, обязаны были явиться в Королевскую службу дознания, чтобы им запечатали Дар. Лишили их возможности поль-

зоваться Словом, отнимая часть их души, пряча ее под печатью. После процедуры многие маги уединялись, поступали на службу в монастыри, рано уходили из жизни, потому что потеря магии — это рана, которую невозможно заполнить, магия неотделима от жизненных потоков, она — сама суть человека.

Помню тот день, когда я поняла, какой Дар во мне проснулся. В Северные Земли пришло короткое лето, и мы с соседскими мальчишками бегали по деревне. Йорген, здоровяк и задира, нашел под крыльцом старого храма котенка. Тощего, жалобно пищащего, с торчащими ребрами и погрызенными рыжими ушами. Он принялся перекидывать его с руки на руку, забавляясь, смеясь над его испуганным визгом. Я не могла подобного вынести. Попыталась выхватить котенка из рук Йоргена, скакала вокруг него — безрезультатно, он был больше меня раза в два!

— Давай, малявка, отними! — кричал он мне, уворачиваясь, а потом толкнул меня одним легким движением своей лапищи, и я упала в дорожную пыль, больно ударившись коленками, содрав ладони о камушки. Обида затопила меня, выстрелив в сердце от тех самых разбитых коленей, и я крикнула Йоргену, вкладывая в слова всю свою боль, все свое негодование и смятение, все свое искреннее желание:

— А ну отдай котенка и проваливай!

И Йорген вдруг замер. Дернулся как-то неестественно, подошел ко мне рубленным шагом и сунул в руки несчастное животное, а потом развернулся и побежал прочь. Я сначала не поверила своим глазам, прижала к себе пищущий комок и словно ошалела от радости. Помчалась